

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-1-35-50>

Политическая система и система права – основные социальные институты, влияющие на процесс построения инновационной экономики

И. А. Маньковский

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Минский филиал, 220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, 40.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Political System and System of Law – Basic Social Institutions Affecting the Process Building an Innovative Economy

I. A. Mankovsky

PhD, Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, Minsk Branch, 40 Radial st, 220070, Minsk, Republic of Belarus.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Аннотация

В статье анализируются перспективы построения на территории Российской Федерации инновационной экономики в рамках реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316. Отмечается некоторая неприспособленность для разработки модели инновационной экономики, господствующей в настоящее время в экономической науке неоклассической экономической теории, рассматривающей экономическую систему, в которой «экономический человек» стремится минимизировать расходы и максимизировать доход. В качестве теоретической основы модели инновационной экономики предлагается применить институциональную экономическую теорию как наиболее перспективное направление развития экономической науки, использующей методологию, соответствующую современному уровню государственного управления. При этом автор отмечает, что институциональная экономическая теория в основе своей была разработана учеными, работающими в государствах с англосаксонской системой права, что отразилось на сделанных учеными выводах и не в полной мере применимо в Российской Федерации с романо-германской системой права. Автор обосновывается утверждение о том, что в рамках институциональной экономической теории наиболее значимыми социальными институтами, оказывающими влияние на направления экономического развития, являются политическая система и система права. В странах с романо-германской системой права преобладающее значение имеют формальные институты, а выбор экономических агентов, сам факт выполнения легализованных государством программ, во многом зависит от уровня правовой культуры населения России. Автор констатирует перспективность дальнейшего совершенствования институциональной экономической теории применительно к романо-германской системе права в качестве теоретической основы построения инновационной экономики и введения в инновационную экономику в качестве средства расчетов и инвестиций криптовалюты. В процессе анализа применялись такие общенаучные и частнонаучные методы познания, как диалектический, исторический, системный анализ, индукция, а также использование междисциплинарных (междисциплинарных) связей.

Ключевые слова: институциональная экономика, неоинституционализм, криптовалюта, социальные институты, система законодательства, правовая культура, правовой нигилизм, глобальная экономика.

Abstract

The article analyzes the prospects for building an innovative economy on the territory of the Russian Federation within the framework of the implementation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 N. 316. There is some inability to develop a model of an innovative economy that currently

dominates the economic the science of neoclassical economic theory, which considers an economic system in which an "economic person" strives to minimize costs and maximize income. As a theoretical basis for the model of an innovative economy, it is proposed to apply the institutional economic theory, as the most promising direction in the development of economic science, using a methodology that corresponds to the modern level of public administration. At the same time, the author notes the fact that the institutional economic theory was basically developed by scientists working in states with the Anglo-Saxon system of law, which was reflected in the conclusions made by scientists and is not fully applicable in the Russian Federation with the Romano-Germanic system of law. The author substantiates the assertion that, within the framework of institutional economic theory, the most significant social institutions influencing the directions of economic development are the political system and the system of law; in countries with the Romano-Germanic system of law, formal – institutions, and the choice of economic agents, the very fact of the implementation of programs legalized by the state largely depends on the level of legal culture of the population of Russia. In conclusion, the author states the prospects for further improvement of institutional economic theory in relation to the Romano-Germanic system of law, its application as a theoretical basis for building an innovative economy and introducing cryptocurrency as a means of settlement and investment in an innovative economy. In the process of analysis, such general scientific and specific scientific methods of cognition as dialectical, historical, systems analysis, induction, and the use of interdisciplinary (interdisciplinary) connections were used.

Keywords: institutional economics, neoinstitutionalism, cryptocurrency, social institutions, system of legislation, legal culture, legal nihilism, global economy.

Современное общество характеризуется интенсивным развитием в различных сферах, и в первую очередь, в сфере экономики, основанной на активном применении новых знаний в производственных процессах. Такие понятия, как «постиндустриальная экономика», «экономика инновационного типа», «экономика знаний», «человеческий капитал», стали неизменными атрибутами экономического уклада XXI в.

Инновационная экономика как один из сегментов общественных отношений получила официальное развитие в Российской Федерации на основании государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Экономическое развитие и инновационная экономика"» со сроком реализации с 29 марта 2013 г. по 31 декабря 2024 г. (далее – Государственная программа).

В качестве целей реализации Государственной программы в том числе заявлено создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса, а также стимулирование технологического развития.

В качестве задач, решение которых необходимо для достижения заявленных в Государственной программе целей, установлены:

- создание условий для развития конкуренции и привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации;
- формирование экономики знаний и высоких технологий.

Государственная программа включает девять подпрограмм, в число которых входят:

- подпрограмма 1 «Инвестиционный климат», в качестве цели которой объявлено создание благоприятных условий для концентрации инвестиционных ресурсов и ведения бизнеса в Российской Федерации;
- подпрограмма 5 «Стимулирование инноваций», целью которой является повышение инновационной активности бизнеса и ускорение появления новых инновационных компаний и технологий.

Можно констатировать тот факт, что создание благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности, концентрации в экономике инвестиционных ресурсов, привлечения в экономику внешних инвестиций и, как следствие, повышение инновационной активности в экономике являются звеньями одной цепи. Не представляется возможным повышение инновационной активности экономических агентов при отсутствии надлежащих (предполагающих получение ожидаемой прибыли и наличие соответствующих

гарантий защиты права собственности) условий осуществления предпринимательской деятельности и соответствующего этим условиям инвестирования в экономику, что и является предпосылками перехода к экономике инновационного типа.

Как справедливо утверждает М. Э. Восканов, переход Российской Федерации к инновационной экономике обусловлен необходимостью институциональных изменений подходов к решению этого вопроса и разработки соответствующей времени государственной экономической политики [6. – С. 7–8]. При этом «Плодотворные усилия обновленного в начале 2020 г. правительства Российской Федерации, возглавляемого председателем правительства В. М. Мишустиним, свидетельствуют о заинтересованности государства в технологическом рывке России» [2. – С. 173].

Таким образом, начиная с 2014 г., экономическое развитие Российской Федерации направлено на создание благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности, стимулирование процессов привлечения в экономику инвестиций, в первую очередь иностранных. Вместе с тем рост предпринимательской активности и привлечение в экономику иностранных инвестиций должны стимулировать интенсивное внедрение высоких технологий в промышленности, для того чтобы вывести экономику на новый уровень – на уровень экономики знаний как высший этап развития инновационной экономики.

Решение задач государственной программы и достижение объявленных целей, по нашему мнению, требует научной разработки соответствующей модели экономического развития, основывающейся на отвечающей духу времени экономической теории. В этой связи следует отметить, что «доминирующая на сегодняшний день в экономической науке неоклассическая парадигма не способна стать методологической базой стратегии инновационного развития национальной экономики» [8. – С. 143], в связи с тем, что в неоклассическом подходе, согласно утверждению Б. Б. Коваленко, «...преобладает методология универсальности, основанная на абстрактных, предельно рационалистических представлениях...» [16. – С. 91]. Неоклассической парадигмой, согласно

утверждению Г. Б. Клейнера, «... экономическая система рассматривается как совокупность взаимодействующих агентов (физических и юридических лиц), осуществляющих в свободном экономическом пространстве процессы производства, потребления, обмена и исходящих при этом из собственных интересов, понимаемых главным образом как максимизация прибыли от всех видов деятельности» [15. – С. 5]. Это применительно к современному уровню развития общественных отношений в целом и экономических отношений, в частности, является, по нашему мнению, недостаточным, в том числе по причине отсутствия свободного экономического пространства в полном смысле термина «свобода».

Необходимо констатировать тот факт, что в существующих реалиях развития Российской Федерации задача обеспечения высоких темпов экономического роста является комплексной и ее научное решение, как представляется, возможно только на основе включения в экономический анализ политических, социальных, этических и других условий деятельности экономических агентов, что возможно в рамках методологии новой институциональной экономической теории [33. – С. 32], в рамках которой предлагается более широкий взгляд на проблемы экономической науки, в том числе учет психологических, юридических, исторических, культурных и иных социальных факторов, не относящихся к явлениям экономической действительности, но оказывающих фактическое влияние на поведение экономических агентов помимо «... рационального расчета» [36. – С. 105].

Изложенное позволяет утверждать, что инновационный путь экономического развития, выбранный Российской Федерацией в 2014 г., требует новых теоретических подходов, учитывающих влияние на становление инновационной экономики таких социальных институтов, как политический режим, поддерживаемый в обществе, система права и система законодательства как средство легализации воли политической элиты общества, существующие в обществе обычаи делового оборота. Кроме того, применяемая в качестве теоретической основы развития инновационной экономики экономическая модель должна опираться на общественный выбор, учитывать необходимость соблюдения баланса частных и

публичных интересов, а также степень влияния государственного управления на действующие социальные институты, т. е., по сути, должна основываться на междисциплинарном научном подходе к экономическому анализу развивающейся инновационной экономики, на всесторонней объективной оценке фактически складывающихся общественных отношений, способных каким-либо образом влиять на экономический выбор.

При этом междисциплинарный подход предполагает анализ существующей проблемной ситуации на основе ее комплексного изучения с использованием инструментария, форм и средств исследования, выработанных в рамках различных научных направлений [18. – С. 90].

Таким образом, в условиях развития инновационной экономики и в дальнейшем – экономики знаний, актуальным является анализ существующих в обществе институтов и степени их влияния на экономическое развитие. Это особенно важно в условиях цифровой трансформации общества, построения в Российской Федерации цифровой экономики, что предусмотрено национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 (далее – Национальная программа).

«Раскрыв характер и механизмы взаимодействия институтов социума, наука реально может приблизиться к установлению тенденций и внутренних «пружин» трансформационных процессов социально-экономико-политических систем в контексте причинно-следственной логики и зависимости от объективных эндогенных и экзогенных факторов, действующих в контуре институционального пространства, и далее – к определению эффективных инструментов влияния на них в интересах прогресса и процветания» [10. – С. 261].

Национальная программа разработана в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О

национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Национальная программа в качестве одной из целей реализации предусматривает решение задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу.

В состав Национальной программы включено восемь федеральных проектов, предусматривающих отдельные направления развития Российской Федерации в рамках построения цифровой экономики, в том числе в сфере правового регулирования цифровой среды. Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривает «поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и созданию благоприятного правового поля для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации».

В этой связи следует констатировать тот факт, что, несмотря на наличие в Российской Федерации Национальной программы, цифровая трансформация российской экономики не предусматривает возможность введения в экономику, развивающуюся как инновационная, в качестве объекта экономических интересов и, в первую очередь, в качестве средства расчетов за реализуемые товары, работы, услуги инновационных финансовых активов, именуемых криптовалютой, и применения для расчетов в криптовалюте соответствующей ей по инновационности пиринговой системы электронных расчетов, именуемой блокчейн (blockchain). Более того, Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых активах) с 1 января 2021 г. в Российской Федерации прямо запрещено принимать цифровую валюту в качестве оплаты за реализуемые товары, работы, услуги. Примененный законодательный подход к обороту инновационных финансовых активов исключает возможность использования цифровой валюты (криптовалюты) в качестве средств инвестирования в российскую инновационную экономику, что, по нашему мнению, не соответствует тенденциям развития

глобальной экономики и может выступать в качестве фактора, сдерживающего развитие инновационной экономики Российской Федерации.

Далее следует отметить, что наряду с необходимостью учета в ходе построения инновационной экономики и введения в экономический оборот в качестве средства расчетов криптовалюты существующих социальных институтов, оказывающих прямое влияние на поведение экономических агентов в рамках экономической системы отдельного государства, в частности Российской Федерации, в современных условиях глобализации мировой экономики в процессе анализа также необходимо принимать во внимание существующие международные договоры, в рамках которых создаются международные экономические союзы. Так, Российская Федерация с 1 января 2015 г. является участником международной организации региональной экономической интеграции Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), в состав которой также входят Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия. ЕАЭС предоставляет экономическим агентам возможность коммерческого присутствия с целью извлечения прибыли на экономической территории любого из государств – членов ЕАЭС, обеспечивая при этом беспрепятственное движение в рамках единого экономического пространства товаров, работ, услуг, капиталов и рабочей силы, что не может не влиять на условия построения инновационной экономики Российской Федерации. Наряду с участием в ЕАЭС Российская Федерация является участником Договора о создании Союзного государства, подписанного со второй стороны Республикой Беларусь. В рамках указанного договора в ходе реализации положений Договора о Евразийском экономическом союзе одновременно осуществляется планомерная экономическая интеграция двух государств, как уже отмечалось, являющихся в том числе и членами ЕАЭС. Кроме того, Российская Федерация с 2012 г. выступает в качестве полноправного члена Всемирной торговой организации (далее – ВТО), что также следует рассматривать как один из факторов, которые способны оказывать существенное влияние на принятие решений в области развития и национальной инновационной экономики, и экономики в рамках двух вышеуказанных

договоров – Договора о Евразийском экономическом союзе и Договора о создании Союзного государства. Причем, Республика Беларусь, выступающая в качестве участника двух названных договоров, является единственным государством из пяти государств – участников ЕАЭС, не состоящим в членстве ВТО.

Так же как участие России в ЕАЭС в Договоре о создании Союзного государства, так и членство в ВТО выступают факторами, способными оказывать существенное влияние непосредственно на экономическое развитие и на существующие социальные институты, подверженные в связи с участием Российской Федерации в указанных политико-экономических объединениях определенной трансформации. Это также необходимо учитывать в процессе развития инновационной экономики и принятия решения о введении в экономический оборот инновационных финансовых активов, именуемых криптовалютой, в качестве средства расчетов за реализуемые товары, работы, услуги.

Наиболее значимыми социальными институтами, влияющими на выбор экономических агентов, по нашему мнению, являются политическая система, а также система права и система законодательства, служащие цели возведения политической воли в ранг закона и ее доведения в качестве закона до сведения лиц, проживающих на государственной территории. В качестве закона политическая воля становится обязательной для исполнения всеми экономическими агентами, находящимися на государственной территории, а ее исполнение поддерживается принудительной силой государства, в том числе через систему мер юридической ответственности и наказания.

Указанные социальные институты в современных условиях развития государственности определяют направления экономического развития, создают условия для достижения поставленных в экономике целей либо, наоборот, способны парализовать деятельность экономических агентов, активизировать или минимизировать коммерческий интерес к какому-либо виду предпринимательской деятельности, что хорошо видно на примере запрета применения криптовалюты в качестве средства оплаты продукции, реализуемой на территории Российской Федерации, установленного Законом о цифровых активах.

Так, «в России инновационная парадигма государства не подкреплена основополагающими политическими документами... При достаточно большом объеме финансирования необходима политическая воля для перехода к инновационному развитию ...чтобы сосредоточить ресурсы государства на решении только тех задач, которые имеют наибольший эффект...» [40. – С. 88]. При этом, что отмечалось выше, необходима не просто политическая воля, а политическая воля, легализованная посредством введения в действие правовых норм, закрепленных в нормативном правовом акте соответствующего уровня.

Неформальные правила (например, обычаи делового оборота, существующие в обществе и т. п.) также могут оказывать положительное влияние на интенсивность экономической деятельности, но только в том случае, когда для этого будут созданы надлежащие правовые условия.

Изложенное позволяет утверждать, что в современных условиях развития государственности такие социальные институты, как система права и экономическая система, во-первых, должны развиваться на основе взаимообусловленности – система права должна обеспечивать максимально комфортные условия для экономического развития, эффективность которого в свою очередь поставлена в зависимость от качества принимаемых нормативных правовых актов и, во-вторых, как содержание системы права, так и направления и эффективность экономического развития обусловлены политической волей правящей элиты и, соответственно, системой государственного управления, существующим в ее рамках уровнем государственной бюрократии, и в целом существующей моделью «... властных отношений как одном из ключевых элементов институциональной среды», на что указывает А. Н. Олейник [26. – С. 51].

Ярким историческим примером влияния политической воли, легализованной правовыми нормами, на темпы экономического развития может служить новая экономическая политика (НЭП), принятая в России 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б) и сменившая военный коммунизм. «Новая экономическая политика имела целью введение частного предпринимательства и возрождение рыночных

отношений, с восстановлением народного хозяйства ... за семь лет своего существования он [НЭП] стал самым удачным экономическим проектом» [37. –С. 76], обеспечившим быстрый подъем хозяйственной жизни страны [34. – С. 25]. Справедливости ради необходимо отметить, что предпосылки введения НЭПа носили исключительно экономический характер. В частности, коммунистическая партия в условиях глобального краха экономики недвусмысленно осознала необходимость включения в государственную экономику частного сектора, но в пределах, которые были допустимы в рамках введенного в стране политического режима и соответствовали представлениям большевистской политической элиты о развитии общества и экономики [22. – С. 20]. При этом пределы частной хозяйственной инициативы определялись исключительно политической волей в рамках политических представлений правящей элиты советского общества о его (общества) экономическом устройстве.

Несмотря на то что НЭП послужила толчком существенного экономического роста, уже в 1931 г. ее реализация юридически была прекращена. Фактически, частная предпринимательская инициатива была свернута к 1928 г. – к началу выполнения первого пятилетнего плана, т. е. на основании политической воли на полный запрет частной хозяйственной деятельности, направленной на получение прибыли, а глобально – на ликвидацию частного сектора экономики СССР. Приведенный исторический пример свидетельствует о существенном влиянии политических институтов на экономическое развитие государства.

Следует отметить, что существование политической системы (политических институтов) в том или ином ее качестве возможно в современных условиях государственного управления, воспринятых во всем цивилизованном мире исключительно в рамках, предусмотренных правовыми нормами (формальными институтами), содержание которых обусловлено выбранным в государстве направлением политического развития, что указывает на взаимозависимость и взаимообусловленность указанных социальных институтов.

Так, Дуглас Норт, рассуждая на тему способности конституции ограничивать

злоупотребление политической властью, приходит к выводу, что содержание конституции производно от общественного мнения «... а обратная причинность наблюдается редко, может быть никогда» [25. – С. 82–83]. Однако, по нашему мнению, содержание конституции, превалирующее среди населения общественное мнение и фактически складывающиеся в обществе права и свободы, а по сути, фактическая свобода членов общества, зависят не только от содержания конституции, которое не всегда соответствует общественному мнению, но и от общей правовой культуры населения конкретного государства в целом, и от правовой культуры правящей элиты, в частности, а также от уровня правового нигилизма, присущего конкретному обществу, при котором «закон утрачивает правовое содержание и не воспринимается как средство защиты прав и законных интересов индивида и общества в целом» [13. – С. 12]. При этом для Российской Федерации, «как в прошлом, так и в настоящем, характерны антиправовые установки, скептическое отношение к правовым предписаниям, противоправные стереотипы поведения. Все это прочно вошло в общественное сознание, стало особенностью национальной психологии, отличительной чертой культуры и образа жизни российского народа» [17. – С. 92–93], что также необходимо учитывать при формировании (изменении) новых (существующих) социальных институтов в процессе построения инновационной экономики и принятия решения о введении в экономический оборот криптовалюты в качестве средства расчетов. Так, например, Конституция СССР 1936 г. в свое время была признана самой демократической конституцией мира, что никак не влияло на фактические политические свободы граждан СССР, точнее на их полное отсутствие. В частности, пик репрессий советских граждан, обладающих, согласно нормам Конституции 1936 г., самой широкой в мире системой прав и свобод, по политическим обвинениям, пришелся на 1937–1938 гг. [12. – С. 309].

Приведенный пример является ярким свидетельством того, что содержание нормативного правового акта, даже такого высокого уровня, как конституция, само по себе вне связи с такими социальными институтами, как правосознание конкретного народа, существующая в обществе правовая культура, не

способно обеспечить эффективное развитие экономических отношений и не является гарантией соблюдения закрепленных в нормативном правовом акте правовых предписаний. Применительно к рассматриваемому примеру следует констатировать тот факт, что при полной законодательно закрепленной коллегиальности государственного управления в СССР функционировали такие органы государственного управления, как Верховный Совет СССР (высший орган государственной власти в 1938–1989 гг.), Совет народных комиссаров (правительство – центральный орган государственного управления), местные советы депутатов. Однако ни один из указанных органов управления не противостоял политическим репрессиям граждан, ссылаясь на нормы Конституции СССР. По сути, несмотря на закрепленные на самом высоком законодательном уровне политические права и свободы граждан, в СССР функционировала государственная машина репрессий, в деятельности которой были задействованы различные государственные органы и должностные лица, что указывает на массовый правовой нигилизм, поразивший практически все слои общества и в первую очередь применительно к приведенному примеру, политическую элиту СССР.

Наряду с декларативно закрепленными правами и свободами нормами Конституции 1936 г., граждане СССР были существенно ограничены в праве собственности. Согласно нормам статьи 10 Конституции СССР 1936 г., собственность, к которой были отнесены трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, предметы личного потребления и удобства, признавалась личной, но не частной. За гражданами было закреплено право наследования личной собственности. Таким образом, в статье 10 Конституции СССР 1936 г. был установлен закрытый перечень имущества, которое могло находиться в собственности граждан. Очевидным является тот факт, что лишение граждан СССР права собственности на средства производства было обусловлено не экономической целесообразностью, сулящей небывалый подъем экономики, а исключительно политической волей, направленной на полное огосударствление экономики, что позволяло

осуществлять тотальный государственный контроль за развитием общества.

Декларативно нормы анализируемой статьи закрепляли охрану собственности граждан на уровне Конституции, что можно рассматривать как меры защиты права собственности граждан, если не обращать внимание на установленные анализируемыми нормами ограничения. Такой законодательный подход лишил граждан СССР возможности иметь на праве собственности средства производства и, следовательно, возможности осуществлять приносящую доходы хозяйственную деятельность, привлекая к труду исключительно на нужды государства, ставя граждан в полную экономическую зависимость от государственной машины.

Таким образом, примененный правящим меньшинством институт на уровне нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой, ограничил перечень объектов, которые могли иметь на праве собственности граждане СССР, что негативно отразилось на экономическом развитии государства в целом, полностью лишило экономику СССР частного сектора и было обусловлено исключительно политическими взглядами правящей элиты на развитие государства и общества.

Нормы пункта 2 статьи 8 Конституции Российской Федерации 1993 г., в отличие от Конституции СССР 1936 г., устанавливают признание государством и равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, а нормами пункта 2 статьи 9 Конституции признается частная собственность на землю и другие природные ресурсы, что свидетельствует о смене направления политического развития и смене экономического уклада — от административно-командной экономики к капитализированной. Применительно к современной России и политический, и правовой институты, направленные на формирование частного сектора национальной экономики, предоставляют гражданам Российской Федерации возможность приобретения средств производства, их вовлечение в предпринимательскую деятельность с целью извлечения прибыли и накопления капитала.

В отличие от Конституции Российской Федерации в Конституции Республики Беларусь 1994 г., второй стороны Договора о создании

Союзного государства и полноправного члена ЕАЭС, установлена исключительная государственная собственность на недра, воду, леса и земли сельскохозяйственного назначения, что значительно снижает предпосылки создания в аграрном секторе эффективно функционирующих частных хозяйств, вынужденных арендовать сельскохозяйственные земли у государства. Закрепленный в белорусской Конституции подход увеличивает издержки частной экономической деятельности в сельском хозяйстве и не стимулирует частный аграрный сектор белорусской экономики к развитию арендуемых земель, внедрению инноваций, требующих значительных затрат финансовых средств и времени, в сельское хозяйство.

И Российская Федерация, и Республика Беларусь являются, согласно нормам национальных конституций, демократическими государствами, ставшими на путь самостоятельного развития после распада СССР, являющимися участниками двух названных выше договоров политической и экономической интеграции и при этом закрепившими в своих конституциях различные подходы к институту частной собственности. Этот факт может быть обусловлен исключительно отношением политической элиты каждого из государств к институту частной собственности и подчеркивает значительную (ведущую) роль таких социальных институтов, как политическая и правовая системы в экономическом развитии государства и общества. Согласно утверждению Дугласа Норта, «... решения, принимаемые в рамках политического процесса, оказывают критически важное влияние на функционирование экономики» [25. — С. 143–144], но при условии, что эти политические решения, легализованные при помощи системы права и системы законодательства, стали обязательными для исполнения не только членами отдельной политической партии в рамках партийной дисциплины, но и всеми членами общества под страхом применения мер юридической ответственности.

Вместе с тем следует отметить, что необоснованные с точки зрения экономической целесообразности законодательные ограничения права собственности населения, установленные запреты на осуществление приносящей доходы деятельности, в том числе под страхом

применения мер уголовной ответственности, не являются бе-зусловной гарантией отсутствия фактов экономической активности граждан, если фактическое состояние экономики, в частности, отсутствие на рынке необходимого населению количества и ассортимента товаров, что имело место в СССР, предполагает возможность получения высоких доходов. Так, несмотря на то что Уголовным кодексом СССР, статьей 153 «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» была установлена уголовная ответственность за осуществление частной предпринимательской деятельности в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, а с 1962 г. применялась и такая мера уголовной ответственности, как расстрел, в подпольную предпринимательскую деятельность в СССР было вовлечено значительное количество населения. «...в начале 1960-х годов в теневой экономике было занято 6 миллионов человек, в 1974 году – 17–20 миллионов человек, а в 1989 году – 30 миллионов человек, или 12% численности населения СССР» [29].

К факторам, производным от некачественной (недейственной) системы права и низкой правовой культуры, оказывающим негативное влияние на эффективное экономическое развитие также следует отнести такие негативные социальные явления, как коррупция на различных уровнях власти, кумовство, а, по сути, отсутствие реально действующего механизма конкурсного отбора на руководящие должности всех уровней, что в свою очередь ведет к непрофессиональному менеджменту, соответственно, низкому уровню принятия управленческих решений и увеличению издержек: глобально – в целом в рамках государства в процессе перехода к инновационной экономике, в частности, – к увеличению издержек экономических агентов в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности.

Так, в 2020 г. ущерб экономике Российской Федерации от коррупционных преступлений составил 58 млрд рублей, или 11,4% от суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений, а в 2019 г. – 55,1 млрд рублей, или 8,8% от общей суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений [7], что свидетельствует о развитии негативных тенденций как в сфере государственного

управления Российской Федерации, так и в сфере развития экономики. Приведенные статистические данные указывают на несовершенство в этой части одного из основных социальных институтов институциональной экономики – системы права, а также о склонности государственных служащих к совершению правонарушений коррупционного характера; могут свидетельствовать о низком качестве системы отбора граждан Российской Федерации на государственные должности.

Таким образом, система права и ее внешнее выражение – система законодательства, являясь институтами институциональной экономики, в совокупности оказывают достаточно сильное влияние на поведение экономических агентов, способны как создать благоприятные условия для развития общественных отношений в различных областях социального взаимодействия, в том числе и для перехода к инновационной экономике, так и негативно отразиться, например, на состоянии преступности в той или иной сфере.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что система права, являющаяся одним из социальных институтов, в отрыве от политической воли на соблюдение законодательных предписаний политической элитой, не является гарантией возможности реализации задекларированных в нормативных правовых актах политических, экономических и иных прав граждан. При этом присущий экономически активному населению правовой нигилизм выступает существенным препятствием для реализации в рамках национальной экономики политической воли, возведенной системой права в ранг закона, даже при направленности политической элиты на соблюдение законодательства, не обеспечивает соблюдение правовых норм населением страны в полном объеме даже под страхом применения мер государственного принуждения (привлечения к юридической ответственности и наказанию).

Одним из ярких примеров настроенности граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на нарушение нормативно установленных запретов (примеров правового нигилизма), несмотря на возможные значительные издержки, включая физическую смерть, является факт массового несоблюдения безопасной дистанции, рекомендуемой во всех общественных местах (организации

здравоохранения, розничной торговли, бытового обслуживания и т. п.) в условиях пандемии коронавируса. Причем соблюдение рекомендуемой дистанции безопасности, в отличие от несоблюдения, вообще не связано с какими-либо издержками.

Изложенное позволяет утверждать, что такие социальные институты, как политическая система, система права и система законодательства, являясь взаимозависимыми и взаимообусловленными, могут быть признаны в качестве наиболее значимых в рамках институциональной экономической теории, оказывающих существенное влияние на поведение экономических агентов в условиях построения инновационной экономики и введения в экономический оборот криптовалюты в качестве средства расчетов за реализуемые товары, работы, услуги.

Исходя из того, что политическая воля определяет направление экономического развития государства, а система права, выраженная через систему законодательства, является средством легализации политических решений, можно утверждать, что одним из неперенных факторов эффективного экономического развития в целом, построения инновационной экономики и введения в экономический оборот криптовалюты, в частности, при наличии на это политической воли, является эффективно действующая, т. е. действенная, система права и система законодательства.

Так, согласно утверждению Дугласа Норта, «проблемы обеспечения соглашений силами третьей стороны через действенную юридическую систему, применяющую (возможно, не лучшим образом) определенные правила, понимаются специалистами недостаточно и являются самой важной дилеммой в исследованиях институциональной эволюции» [25. – С. 55].

Под системой права, рассматриваемой в качестве института институциональной экономики, следует понимать комплексный юридический институт, включающий непосредственно нормы права (правила поведения), нормативные правовые акты (источники права в романо-германской системе права), систему правоохранительных органов, включая систему исполнения наказаний

(пенитенциарную систему), институт адвокатуры и нотариат Российской Федерации.

Таким образом, можно утверждать, что политическая воля, легализованная посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, способна активизировать либо парализовать деятельность экономических агентов, перевести ее в разряд теневой при условии, что политическая воля, и принятые в соответствии с ней нормативные правовые акты, противоречат экономической целесообразности, в том числе и в сфере легализации экономического оборота криптовалюты.

Так, в настоящее время в мире криптовалютными кошельками владеют 101 млн человек, при этом самих кошельков насчитывается 191 млн. В 2016 г. криптовалютами пользовались лишь 5 млн человек, а количество кошельков на тот момент составляло 45 млн» [39], что указывает на неизменно повышающийся интерес к криптовалюте в рамках глобальной экономики.

В частности, применительно к Российской Федерации в конце 2020 г. в России было зарегистрировано около 17,4 млн пользователей различных криптовалют, включая биткоин, или примерно 11,9% жителей Российской Федерации. По результатам 2020 г. граждане, проживающие на территории России, заработали на биткоинах около 600 млн долларов, что является пятым показателем в мире¹ и свидетельствует о наличии у граждан Российской Федерации экономического интереса к криптовалютам. При этом, что отмечалось выше, в Российской Федерации установлен прямой запрет на прием криптовалюты в качестве встречного предоставления за товары, работы, услуги. Законодательно установленный запрет, по нашему мнению, существенно ограничивает возможности экономических агентов по вовлечению криптовалюты в свою хозяйственную деятельность, в том числе в качестве иностранных или национальных инвестиций, может стать причиной развития нелегального оборота криптовалюты на территории России.

¹ Криптовалюты. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B>.

При этом, что также отмечалось выше, в состав Государственной программы, принятой в Российской Федерации в 2014 г., включена подпрограмма 1 «Инвестиционный климат», реализуемая с целью создания в Российской Федерации благоприятных условий для привлечения в экономику инвестиций.

Наряду с по сути запретом экономического оборота криптовалюты в Российской Федерации, биткоин полностью легализован как минимум в 111 странах [1]. Так, в качестве средства расчетов биткоины признают, например, в Германии, в качестве платежного средства биткоин узаконен в Японии, но с уплатой налога на покупку, в Китайской Народной Республике операции с биткоином разрешены для граждан, но запрещены банковскому сектору. При этом Китай лидирует в области добычи криптовалюты в силу наличия в стране крупных производственных мощностей. В Швейцарии, которая является одной из наиболее благоприятных стран для развития биткоин-стартапов, к обороту криптовалют применяются такие же правила, как и к обороту иностранной валюты¹.

Несмотря на устойчивое развитие крипторынка в рамках глобальной экономики, о чем свидетельствуют приведенные выше данные, единое экономическое пространство, созданное в рамках ЕАЭС, в настоящее время нельзя назвать территорией, благоприятной для сторонников инновационных финансовых активов. Так, Российская Федерация, что отмечалось выше, а также Республика Беларусь в сфере оборота криптовалюты на государственной территории ввели в действие специальные нормативные правовые акты, по сути, запрещающие применение криптовалюты в качестве средства расчетов за товары, работы, услуги. В Республике Беларусь – Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), в Российской Федерации – Закон о цифровых активах.

В отличие от Республики Беларусь и Российской Федерации, Республика Казахстан не

принимала специальный нормативный правовой акт в сфере регулирования экономического оборота криптовалюты, а пошла по пути точечного внесения изменений в большое количество действующих нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты экономического оборота инновационных финансовых активов, но непосредственно вопрос о допуске криптовалюты на государственную территорию в качестве средства расчетов или ее запрете в настоящее время в Казахстане законодательно не разрешен. Вместе с тем, по утверждению академика Национальной академии наук Республики Казахстан, доктора юридических наук, профессора М. К. Сулейменова, новая норма Закона об информатизации, закрепленная в пункте 3 статьи 33-1, согласно которой, выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов на территории Республики Казахстан запрещается, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан, будет реально работающей нормой, обозначающей «... запрет криптовалюты на территории Казахстана со всеми вытекающими последствиями ...» [30].

Два других государства – члена ЕАЭС – Армения и Киргизия, в настоящее время заняли выжидательную позицию.

В Республике Армении субъекты хозяйствования имеют юридически обеспеченную возможность совершать сделки с криптовалютой в рамках общего дозволистельного метода гражданско-правового регулирования в силу того, что специальные нормативные правовые акты, устанавливающие запрет на операции с криптовалютой в Армении, в отличие от Российской Федерации и Республики Беларусь, не принимались [24]. При этом Центральный банк Армении не рекомендует своим гражданам применять криптовалюту в качестве средства расчетов на государственной территории в силу того, что криптовалюта не входит в перечень электронных денег и, следовательно, ее оборот законодательно не урегулирован [28]. Вместе с тем в Армении предложили легализовать майнинг криптовалюты, и в случае одобрения законопроекта в Армении, так же как и в Беларуси, будут разрешены операции с криптовалютой [5].

Следует еще раз отметить, что в Беларуси эти операции ограничены рамками всего лишь одной свободной экономической зоны. При этом

¹ Правовой режим криптовалюты. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82.

Армянский концерн Multi Group и международная компания Omnia Tech запустили в Ереване одну из крупнейших в мире майнинговых ферм, стоимостью

50 млн долларов, включающую 3 000 устройств для добычи биткоинов и Ethereum [4].

Наибольшие препятствия развитию крипторынка до 2021 г. создавались в Киргизии, не принимавшей до сих пор, так же как и Армения, специальных нормативных правовых актов в области оборота криптовалюты. Так, 2018–2019 гг. процесс добычи криптовалюты посредством решения математического алгоритма с использованием специального компьютерного оборудования преследовался государством. Власти Киргизии считали, что введение в экономический оборот криптовалют может негативно сказаться на функциях государства в части валютно-финансового и бюджетного регулирования, а также на охране общественного порядка и в целом создаст предпосылки для причинения вреда национальной безопасности [27]. Однако начиная с 2021 г. Киргизия пересмотрела свое отношение к криптовалютам и может войти в цифровую экономику [19]. В частности, Национальный банк Кыргызской Республики 31 декабря 2020 г. вынес на обсуждение проект закона «Об обороте криптовалют», который предоставляет право совершать операции с криптовалютой специальным лицензированным организациям, запрещает расчеты в криптовалюте и предоставляет Национальному банку Киргизии доступ к записям транзакций с криптовалютой, совершаемых лицензированными организациями [23]. Однако пока указанный закон не будет принят, экономический оборот криптовалюты не получит свою практическую реализацию [По состоянию на 1 декабря 2021 г. информации о введении указанного нормативного правового акта в действие у автора нет].

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что глобальная экономика, в отличие от экономик государств – членов ЕАЭС, в настоящее время идет по пути активной легализации криптовалют и включения их в экономические процессы в качестве средства расчетов, что, по нашему мнению, указывает на необходимость и, соответственно, актуальность разработки в рамках институциональной экономической теории «... одного из наиболее динамично

развивающихся направлений экономической науки» [14. – С. 113] – экономической модели развития инновационной экономики с учетом мировых тенденций в целом, и такой из них, как включение криптовалюты в хозяйственную деятельность экономических агентов, в частности.

При этом в начале третьего десятилетия XXI в. в условиях глобализации экономики, тотального правового регулирования практически всех видов социального взаимодействия, включая экономические отношения, мощной политизации государственного управления, интенсивно развивающегося технического прогресса, что особенно ярко проявляется в сфере информационных технологий, институционализм может быть признан одним из наиболее перспективных направлений развития экономической теории, основанном на междисциплинарном подходе к исследованию экономических процессов.

Несмотря на то что в постперестроечный период развития экономической науки, в отличие от периода СССР, количество исследований, выполненных в области институционализма во всех его проявлениях, существенно возросло, притом что значительный вклад в разработку институциональной теории на постсоветском пространстве внесли такие ученые, как А. А. Аузан, О. Э. Бессонова, В. В. Вольчик, Т. В. Гайдай, В. В. Дементьев, О. В. Иншаков, Р. И. Капелюшников, Г. Б. Клейнер, В. И. Маевский, Д. С. Львов, Р. М. Нуреев,

А. Н. Олейник, В. М. Полтерович, О. С. Сухарев, В. Л. Тамбовцев, А. М. Чаусовский, А. Е. Шаститко, Е. Г. Ясин и ряд других, институциональная экономическая теория к настоящему периоду своего развития не получила необходимой степени научного осмысления, сохраняет ряд недостаточно изученных сторон институционализации, а среди российских ученых до сих пор не выработано однозначного понимания институтов, в связи с чем «... представляется важным раскрытие экономического содержания и обоснования новых организационно-институциональных форм ...» [20. –

С. 51]. При этом в современной литературе по экономическим наукам в силу наличия большого количества научных подходов к институциональному анализу встречается

значительное количество отличающихся по содержанию трактовок одной из основных категорий институционализма «институт» [35. – С. 9]. Вместе с тем, согласно утверждению В. В. Деметьева, институциональное устройство общества и, соответственно, институты оказывают влияние на состояние технического прогресса [11. – С. 20] и, следовательно, на процесс построения инновационной экономики. Кроме того, в силу наличия различных подходов к институциональному анализу, в научной литературе встречается большое количество классификаций транзакционных издержек [3. – С. 132], что также не способствует выработке единого подхода к содержанию институциональной экономической теории.

Изложенное, по нашему мнению, является основанием для дальнейшей теоретической разработки институциональной экономической теории применительно к условиям построения в Российской Федерации инновационной экономики, включения в глобальную экономику инновационных финансовых активов, именуемых криптовалютой, что неизбежно связано с соответствующими институциональными изменениями. По сути, следует констатировать факт необходимости выработки «... некоего интегративного варианта институционализма ...» [32. – С. 905]. В современных реалиях «... институциональные коррекции стали инструментом современного передаточного механизма экономической политики [по сути, политической воли правящего меньшинства], что выдвигает и новые требования к институциональному анализу» [31. – С. 911].

Одним из важных направлений дальнейшего развития институциональной экономической теории в условиях построения инновационной экономики, по нашему мнению, является необходимость выработки единого подхода к пониманию института, как одной из основных категорий институционализма, и классификации институтов в зависимости от степени их влияния на стремительно развивающиеся экономические процессы и, соответственно, на поведение экономических агентов применительно к современному уровню развития государственного управления.

Кроме того, существенным недостатком любой теории, в том числе и экономической, можно признать разнотечность понятийно-категориального аппарата. В частности,

современное состояние го-сударственного управления, применяемые при этом средства воздействия на участников любых социальных связей, в том числе и в сфере экономического развития, указывают на необходимость проведения исследований экономических процессов с учетом тотального воздействия на экономических агентов правовых норм, в том числе являющихся средством легализации политической воли, что отмечалось выше. В этой связи, по нашему мнению, одной из задач при дальнейшей разработке институциональной экономической теории следует признать необходимость унификации понятийно-категориального аппарата, в первую очередь институциональной экономической теории и юридической науки, в которой многие термины и понятия, применяемые институционалистами, нашли легальное закрепление и имеют узаконенное, легализованное в нормативных правовых актах содержание.

В процессе дальнейшей разработки институциональной экономической теории необходимо учитывать тот факт, что сама институциональная экономическая теория, понятие институтов, изучение их влияния на экономических агентов и их поведенческие мотивации, разрабатывались учеными, работающими в государствах с англосаксонской системой права, коренным образом, отличающейся по приемам и средствам правового воздействия на участников общественных отношений, в том числе и экономических в государствах с романо-германской системой права, применяемой, в частности, в Российской Федерации и других государствах – членах ЕАЭС.

Так, первопроходцами институционализма, или основателями его так называемой старой школы, выступают Т. Веблен (США), Дж. Коммонс (США), У. Митчелл (США), К. Эйрс (США), Дж. К. Гэлбрейт (США), Т. Шульц (США), являющиеся американскими экономистами, соответственно исследовавшими в качестве формальных институтов, оказывающих влияние на выбор экономических агентов, применяемое в США прецедентное право, в рамках которого большое значение имеют судебные решения, а также обычаи делового оборота, традиции и иные неформальные правила.

К современным ученым, работающим в рамках старого институционализма, относят Дж. Ходжсона, также американского экономиста и государственного деятеля. К ученым, положившим начало и внесшим существенный вклад в разработку новой институциональной экономической теории, относятся Р. Коуз (Великобритания), О. Уильямсон (США), Д. Норт (США), М. Олсон (США), Э. Остром (США), Г. Демсец (США), Р. Познер (США). Таким образом, и новые институционалисты являются выходцами из США и Великобритании, т. е. государств, применяющих англосаксонскую систему права.

Согласно выводам, сделанным В. А. Четверным, в европейских странах, т. е. на Западе, юридическая наука, носящая административно-командный характер не прижилась в силу ее противоречия основам сформировавшейся там правовой культуры, но наряду с марксистским учением была востребованной в СССР и во многом остается востребованной в постсоветских республиках [38. – С. 8], что также свидетельствует о влиянии правовой культуры населения наряду с политической системой и системой права на экономическое развитие государства и общества.

В этой связи допустимо, по нашему мнению, сказать, что разработанная указанными выше учеными институциональная экономическая теория, безусловно, являясь прорывной с точки зрения анализа экономических отношений, не в полной мере применима в ее чистом виде к реалиям Российской Федерации и других государств с романо-германской системой права, в рамках которой наибольшее воздействие на поведенческие мотивации экономических агентов имеют институты формальные, а также сложившаяся в обществе правовая культура и существующая степень правового нигилизма, а в меньшей степени – обычаи, привычки и иные неформальные правила, сложившиеся в обществе.

В настоящее время в экономике Российской Федерации, согласно утверждению О. С. Сухарева, развивается конкурентная борьба за стандарты, а наиболее выгодной монополией является монополия на систему правил, которые зависят от одного игрока – монополиста [32. – С. 145–146], что подтверждает наше утверждение о преобладающем значении в экономике, работающей в рамках романо-германской

системы права, формальных институтов, т. е. системы права и системы законодательства, но не обычаев и иных неформальных институтов.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что дальнейшая разработка институциональной экономической теории в указанном нами направлении является актуальной задачей, что обусловлено инновационным развитием экономики Российской Федерации, построением на ее территории цифровой экономики и принятыми в этой сфере президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации нормативными правовыми актами.

В рамках разрабатываемой институциональной модели инновационной экономики необходимо учитывать такие факторы общественного развития, как:

- общественный (постконституционный) выбор – основа введения криптовалюты в экономический оборот с учетом ряда ее несомненно положительных качеств, позволяющих сократить транзакционные издержки предпринимательской деятельности;

- требуемый для нормального функционирования государства баланс публичных и частных интересов как необходимое условие развития инновационной экономики и введения криптовалюты в хозяйственную деятельность экономических агентов;

- роль государства как политической системы управления обществом и гаранта поддержания баланса общественных и частных экономических интересов в условиях построения инновационной экономики.

При этом необходимо наличие таких социальных институтов, как:

- политическая система, существующая в государстве и возможные риски принятия политических решений, противоречащие экономической целесообразности и, следовательно, сдерживающие развитие инновационной экономики;

- система права как один из наиболее значимых регуляторов социальных, в том числе экономических процессов в условиях развития инновационной экономики и введения криптовалюты в экономический оборот и систему законодательства как средство выражения норм права во вне;

При разработке модели инновационного развития экономики и введения в экономический оборот криптовалюты в качестве средства расчетов, основываясь на институциональной экономической теории, необходимо также учитывать негативные свойства криптовалюты, способствующие ее применению в качестве средства расчетов при осуществлении нелегальной торговли, при совершении других незаконных операций, что в свою очередь может представлять угрозу национальной безопасности в целом и в первую очередь таким ее сегментам, как политическая и экономическая безопасность.

К негативным свойствам криптовалюты в первую очередь необходимо отнести анонимность владельцев цифровых кошельков и, соответственно, анонимность транзакций в криптовалюте, что и является основой ее применения в качестве средства расчетов в теневой экономике. Кроме того, непосредственно экономическим агентам в случае введения криптовалюты в экономический оборот в качестве средства расчетов за товары, работы, услуги следует учитывать существенную волатильность криптовалюты.

Таким образом, с учетом требований обеспечения национальной безопасности институциональная модель развития инновационной экономики должна обеспечивать:

- интенсификацию товарооборота как на территории Российской Федерации, так и в рамках международного экономического пространства, в том числе в рамках единого экономического пространства ЕАЭС;

- ускорение процессов включения национальной экономики в мировое экономическое пространство в силу следования мировым экономическим тенденциям, что делает национальную экономику более открытой для мирового экономического сообщества и,

соответственно, более привлекательной для внешнего инвестирования;

- повышение конкурентоспособности экономики, уровня благосостояния и качества жизни населения;

- стабильное функционирование национальной финансовой и денежно-кредитной систем;

- увеличение темпов перехода экономики к последующим, передовым технологическим укладам и, в частности, к шестому технологическому укладу;

- предотвращение возможности совершения террористических актов на государственной территории либо в воздушном пространстве Российской Федерации;

- увеличение объемов и повышение качества иностранных инвестиций, направляемых в национальную экономику;

- увеличение масштабов и уровня внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий в экономику;

- повышение конкурентоспособности отечественных информационно-коммуникационных технологий, информационных ресурсов и национального контента;

- создание благоприятных условий для включения криптовалюты в состав иностранных инвестиций, допущенных к инвестированию в национальную экономику [21. – С. 12–17].

При этом одним из существенных условий введения криптовалюты в инновационную экономику, по нашему мнению, является необходимость обеспечения экономической безопасности, в первую очередь, государственного сектора национальной экономики, что необходимо осуществить с использованием механизма институциональной экономической теории.

Список литературы

1. Bitcoin полностью легален как минимум в 111 странах. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5c61965f9a79478c2b5fa9dc>.
2. Баженов С. И. Экономика знаний как институциональная основа экономики высокотехнологичных производств // Экономика высокотехнологичных производств. – 2020. – Т. 1. – № 4. – С. 173–182.
3. Банасиговская Я., Устюжанина Е. В. Влияние системы электронных государственных услуг на транзакционные издержки // Системное моделирование социально-экономических процессов : труды

41-й Международной научной школы-семинара / под ред. В. Г. Гребенникова, И. Н. Щепиной. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2018. – С. 132–135.

4. В Армении запустили одну из крупнейших майнинг-ферм в мире. – URL: <https://letknow.news/news/v-armenii-zapustili-odnu-iz-krupneyshih-mayning-ferm-v-mire-12286.html>.

5. В ногу со временем или по краю пропасти: в Армении узаконят криптовалюты? – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/07/v-nogu-so-vremenem-ili-po-krayu-propasti-v-armenii-uzakonyat-kriptovalyuty>.

6. Восканов М. Э. Необходимость и институциональные особенности перехода инновационной экономики к экономике знаний // Инновационное развитие экономики. – 2017. – № 3 (39.) – С. 7–11.

7. Генпрокурор указал, что ущерб от коррупции в 2020 году составил 58 млрд рублей. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11228045>.

8. Горбач Г. Г. Эволюционная экономическая теория как методологическая база формирования стратегии инновационного развития национальной экономики // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы : материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2018. – С. 143–149.

9. Двойные стандарты или кто препятствует развитию финтех в КР. – URL: <https://www.for.kg/news-711487-ru.html>.

10. Дегтярев А. Н. Конверсия институтов. Начала теории. Глава 3. Конволюция и конверсия. Что и как растет на институциональном поле // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2021. – № 3 (7). – С. 261–270.

11. Дементьев В. В. Институты и технический прогресс // Journal of economic regulation. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 19–36.

12. Дождигов А. В. Политический менеджмент И. В. Сталина: репрессии как радикальное средство ротации управленческих кадров // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 1. – С. 308–322.

13. Захарцев С. И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 2. – С. 12–20.

14. Клейнер Г. Б. Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // Российский журнал менеджмента. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 113–122.

15. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. – М. : Наука, 2004.

16. Коваленко Б. Б. Институциональное направление экономической теории: методологические особенности и эволюция // Вестник международного института экономики и права. – 2011. – № 2 (3). – С. 90–100.

17. Коница Е. Н. Аспекты правового нигилизма в современной России // Вестник НИЦ МИСИ: актуальные вопросы современной науки. – 2020. – № 24. – С. 92–95.

18. Коцегулова И. Р. Междисциплинарность, институционализм и теория денег: контуры совместимости // Новое качество образования и науки: возможности и перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, 11–15 октября 2017 г. – М. : АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2017.

19. Криптовалюта в Кыргызстане. Сможет ли цифровая экономика интегрироваться в республике. – URL: <http://kabar.kg/news/kriptovaliuta-v-kyrgyzstane-smozhet-li-tcifrovaia-ekonomika-integrirovat-sia-v-respublike/>.

20. Максимович Е. А. Особенность российского институционализма: теоретические разногласия // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (23). – С. 51–57.

21. Маньковский И. А. Инновационные финансовые активы как неизбежный атрибут цифровой экономики: пути совершенствования законодательства Республики Беларусь // Цифровая экономика образованию и науке Союзного государства Беларуси и России : сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 26–28 февр. 2020 г. – Минск : Изд-во БГАТУ, 2020. – С. 12–17.

22. Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. – Т. 1: Введение в гражданское право. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013.

23. Нацбанк хочет строго контролировать криптовалюты в Кыргызстане. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/31042732.html>.

24. Новая свободная зона в Армении: майнить криптовалюты будут, отмывать – нет. – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20180920/14561716/novaya-svobodnaya-zona-v-armenii-majnit-kriptovalyuty-budut-otmyvat-net.html>.

25. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисловие и научн. ред. Б. З. Мильнер. – М. : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

26. Олейник А. Н. Институциональный трансфер: субъекты и ограничения (российский случай в глобальном контексте) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 49–57.

27. Подорвут государственность. Правительство не знает, что делать с майнингом и криптовалютами. 18.07.2019. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-mining-cryptocurrency-law/30062089.html>.

28. Состояние крипто-рынка Армении – станет ли страна центром развития блокчейна? – URL: <https://internationalwealth.info/cryptocurrency/will-armenia-become-a-center-for-blockchain-development/>.

29. Строительство коммунизма: «теневая экономика» и подпольная «буржуазия». – URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20200804/306107552.html.

30. Сулейменов М. К. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства (статья третья, исправленная и откорректированная в связи с принятием Закона о цифровых технологиях). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35012332&mode=p&page=1.

31. Сухарев О. С. Институциональная конкуренция и импорт институтов: теоретические аспекты // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 127–149.

32. Сухарев О. С. Методологические проблемы и перспективы современного институционализма // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17. – № 4. – С. 904–921.

33. Терещенко Д. С. Особенности институционального подхода к обеспечению экономического роста // Экономика, предпринимательство и право. – 2012. – № 2 (13). – С. 32–47.

34. Федоров А. Б., Бредихин А. Л. «НЭП»: от идеи к воплощению (к столетию новой экономической политики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 2 (21). – С. 22–25.

35. Цветкова Г. С. К вопросу о сущности и функциях институтов рынка // Инновационные технологии управления и права. 2013. № 3 (7). С. 9–13.

36. Чаусовский А. М., Гончарова И. В., Дедух Т. М. Институциональная экономика: сущность, содержание и функции для экономик развивающихся рынков // Менеджер. – 2017. – № 4 (82). – С. 104–108.

37. Чесноков А. Ю., Меренков Д. О., Ершов Б. А. Причины введения новой экономической политики (НЭПа) в СССР // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1–3. – С. 76–78.

38. Четвернин В. А. Институциональная теория права. – URL: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>.

39. Число пользователей криптовалют увеличилось на 189% за год. – URL: <https://plusworld.ru/daily/cat-kriptovalyuty/chislo-polzovatelej-kriptovalyut-uvelichilos-na-189-za-god>.

40. Ширяев И. М., Курьшева А. А., Вольчик В. В. Нарративный институциональный анализ и российская инновационная система // Journal of Institutional Studies. – 2021. – № 13 (3). – С. 81–101.